

Галина Иванченко родилась в Таганроге в 1965 году, там же прошло ее детство. После окончания школы она поступила на факультет психологии МГУ, вскоре после этого — в аспирантуру Института Человека РАН, сразу обозначив междисциплинарный характер своих научных интересов. Ее диссертация на соискание степени кандидата психологических наук, посвященная восприятию музыки, была сделана на стыке психологии, эстетики и теории культуры.

Весь ее дальнейший профессиональный путь продолжал эту линию синтеза разных гуманитарных дисциплин в изучении сложнейших проблем, не поддающимся монодисциплинарному подходу. Редко встретишь ученого, который бы так же легко, как она, ориентировался во всем поле гуманитарного познания, не замечая границ между дисциплинами. После защиты в 1999 году, в возрасте 33 лет, диссертации доктора философских наук по специальности «Теория культуры», она получила известность как психолог, философ, социолог, искусствовед, культуролог, и, конечно, — с социологией была связана ее основная работа последнего времени. Практически вся ее работа была связана с академическими институтами и вузами: она работала в серьезных исследовательских проектах в Государственном Институте Искусствознания, Институте Человека РАН (и секторе, в который он был реорганизован), вела конкурсные проекты РФФИ, РГНФ, Федеральной целевой программы развития образования и др. Впечатляет список одних лишь ее монографий, вышедших за десятилетие с небольшим: «Реальность Паблик Рилейшнз», «Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве», «Психология восприятия музыки», «Профессиональное самоопределение в творческих профессиях» (в соавторстве), «Универсум одиночества» (в соавторстве), «Совершенство в искусстве и в жизни», «Идея совершенства в психологии и культуре», «Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл» (в соавторстве), «Забота о себе: история и современность».

Но не только наука: музыка и поэзия были не только объектом ее научных изысканий, но и способом познания и самовыражения. Поэтом она была подлинным, глубоким, тонким и оригинальным. А появившиеся в последние годы экзистенциальные эссе, некоторые из которых увидели свет в материалах Всероссийских конференций по экзистенциальной психологии и в «Экзистенциальной традиции», — это и наука, и искусство одновременно, новый, созданный ею жанр. В российском экзистенциальном сообществе, не очень броским, но постоянным и убежденным членом которого она была с самых первых конференций, Галина представляла и наполняла своим уникальным авторским содержанием гуманитарно-литературную линию Ролло Мэя, который видел в экзистенциальном подходе прежде всего вариант гуманитарного познания с акцентом на раскрытие смыслов и символов, встроенных в течение нашей жизни, которое помогает по-новому отнестись к ней. Как и Мэй, увенчанный не только научными, но и литературными премиями, Галина нашла уникальную форму работы словом, работу просветления и жизнотворчества, раскрытия тончайших смысловых подтекстов нашей жизни. Ее философско-экзистенциальные эссе последних лет по проблемам выбора, творчества, времени, любви и одиночества, и в особенности их вершины — маленькие, но удивительно емкие и насыщенные книжки «Логос любви» и «Космос любви», — еще предстоит оценить далеко не только психологам; им суждена долгая жизнь.

Однако все те, кто знал ее лично, ценили Галину не столько как создателя научных

трудов и поэтических строк, сколько как удивительного, неправдоподобного в своей светлой ауре человека. Она не только была исключительно трудолюбива, работоспособна, ответственна, организована, в общении с людьми она излучала свет и тепло. Просто не с чем сравнить ее деликатность, постоянно бодрствующее внимание к другим людям, как бы никого не то что не задеть, но не создать проблем, не отнять время, не загрузить, не отвлечь, а когда это приходилось делать, она явно испытывала неловкость. Никогда не доводилось встречать ее в столь типичном для всех нас дремотно-равнодушном состоянии, в майе. Невозможно даже вообразить ее в этом состоянии. Ее душа всегда бодрствовала, а глаза были всегда открыты.

Она была исключительно требовательна к себе, что не имело ничего общего с перфекционизмом; что же касается других, она в каждом видела его лучшее возможное Я, обращаясь к нему и стараясь насколько можно поддержать его, но не требовала от других многого и всегда была благодарна даже за небольшое, чем человек готов был добровольно поделиться. Ей был присущ особый дар ценить все хорошее и быть благодарной за это другим, при этом сама она отдавала окружающим свои душевные богатства, свои силы, время, здоровье, не считая....

Ее деликатность, терпеливость и смирение не имели ничего общего с низкой самооценкой и уступчивостью. Она была человеком редких, к сожалению, в наше время, нравственных и ценностных устоев, с большим чувством достоинства и душевным благородством. Она понимала какие-то главные вещи про жизнь и была камертоном, позволявшим сразу почувствовать подлинность тех или иных ценностей, значимость тех или иных идей, верность тех или иных решений — хотя она была более чем сдержанна в выражении своих оценок. Лгать при ней было невозможно. И хотя религиозность никогда не была ей свойственна, она воплощала в себе многое из того, что заповедуют людям священные тексты.

Последняя ее книга, вышедшая за месяц до смерти, называлась «Забота о себе». Парадоксально, но это то, чего ей не хватало больше всего. Ей было просто не до этого — она заботилась о других — о семье, детях, студентах, коллегах, проектах, идеях... И хотя она не была обделена заботой близких ей людей, этого оказалось мало. Когда у нее была обнаружена редкая и запутанная болезнь, она продолжала делать все, чтобы не обременять этим других — организовывала философский семинар, готовила презентацию двух последних книг, беспокоясь, чтобы они успели выйти в срок... Возможно, именно то, что она все боли и напряжения окружающего мира принимала в себя, не выпуская их наружу, и подорвало ее душевные силы. Она очень устала...

За свои — подумать только — 44 года она успела столько, сколько могло бы хватить не на одну полноценную жизнь. Но это слабое утешение. Она сгорела, отдавая себя и не прося ничего взамен. Забота тех, кто остался жить — быть достойными ее дара, усвоить уроки благородства и самоотдачи, не растерять тот свет и тепло, которые Галя успела в нас заронить... Отдыхай, ты заслужила и свет, и покой. Нам еще долго предстоит осваивать твой урок человечности.

Дмитрий Леонтьев (Россия)